
Владислав БАЧИНИН

АНТИ-НИЦШЕ: идея «смерти» Бога как продукт троллинг-стратегии

Статья первая.

Кто вы, профессор Ницше?

**Доктор Джекил и мистер Хайд:
трагический мыслитель и философский тролль**

Духовная биография Ницше — это настоящая мистерия, большинство смыслов которой и сегодня продолжают сохранять свою непроницаемость для рассудочного познания. Истоки ее тайн теряются не столько в глубинах психики философа или в скоплениях социально-исторических факторов, сколько в сверхфизических областях, в трансцендентных, по-настоящему мистериальных сферах, куда современный секулярный рассудок не приучен заглядывать.

Исследователи творчества Гёте утверждали, что внутри «я» поэта сосуществовали Фауст и Мефистофель. Сходным образом внутри раздваивавшейся личности философа Фридриха Ницше одновременно присутствовали дух воспитанного, благообразного доктора Джекила и злой, демонический дух полубезумного, безобразного, агрессивного мистера Хайда¹. Первый имел протестантское родословие, был выходцем из пасторско-лютеранского семейства, поэтом и музыкантом, солидным интеллектуалом, профессором-филологом, обладателем острого философского ума. Его личность формировалась в педантичной протестантской среде со строгими нравами. Оба деда служили

Владислав Аркадьевич Бачинин — доктор социологических наук, профессор, Окончил философский факультет ЛГУ и аспирантуру Института философии РАН. Автор более 700 опубликованных работ по теологии, философии и социологии культуры, в том числе более 50 книг, среди которых: «Достоевский: метафизика преступления» (2001), «Малая христианская энциклопедия». Т. I—IV (2003—2007); «Девиантология и теология: от Библии к Достоевскому» (Saarbrücken, Deutschland, 2012), «Теология, социология, антропология литературы (Вокруг Достоевского)» (2012), «Мистерия гуманитарной аномии. Духовная война интеллектуалов» (2014), «Протестантская этика и дух остмодернизма» (в соавт.) (2015), «500 лет спустя, или 95 тезисов о Реформации, модерности и великой христианской депрессии» (2016), «Европейская Реформация как духовная война. Теология генезиса modernity» (2017). Постоянный автор журнала «Нева». Победитель конкурса философских трактатов на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?», проведенного Российской академией наук (Институт философии). Живет в Санкт-Петербурге.

¹ См. новеллу Р.-Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886), вышедшую в свет практически одновременно с одним из главных сочинений Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла».

пасторами. Одно из них склонность к богословию побудила написать апологетический трактат «О вечности и нерушимости христианской веры. Против сеятелей смуты». Ему и в страшном сне не могло присниться, что из его прелестного, благочестивого и богобоязненного внука, которого в шутку называли «маленьким пастором», вырастет «сеятель смуты» такого масштаба, каких еще не знало человечество.

Отец будущего философа, служивший при прусском дворе воспитателем юных принцев, тоже стал пастором, получив церковный приход от самого короля Фридриха Вильгельма IV.

В семье было принято ежедневное чтение Библии. Так что Ницше с ранних лет приобрел основательное знание ветхозаветного и новозаветного текстов. Казалось, что все шло к тому, чтобы мальчику, мечтавшему заниматься богословием и музыкой, продолжить родовую традицию и тоже стать пастором.

Томасу Манну принадлежит трогательный образ Ницше-школьника, воспитанного и серьезного пай-мальчика, хорошо учившегося в местной монастырской школе-гимназии. Писатель приводит маленькую историю о том, как крошка-ученик был однажды застигнут проливным дождем. Не обращая внимания на ливень, не теряя достоинства, он продолжал размеренно вышагивать в сторону дома, строго следуя правилу, требовавшему от школьников пристойного поведения и за пределами школы.

Нельзя не согласиться с Манном, когда он говорит о впечатлении, будто перед нами «образец человеческой интеллектуальной нормы, облагороженной высокой одаренностью; натура, которая достойно вступает на избранный путь и собирается пройти его с честью»². Тем разительнее выглядит совершившаяся впоследствии духовная метаморфоза, та ошеломляющая негативная метанойя (перемена, перестройка ума), в результате которой миру явился полный духовный антипод «маленького пастора».

Как получилось, что в семействе добропорядочных лютеранских священнослужителей вырос сын и внук, который восстал против Бога, христианства, веры, превратился не в обычного «сеятеля смуты», но в одного из философских верховодов люциферовского мятежа? Что произошло с родовым древом славного протестантского семейства? Почему его молодая ветвь, обещавшая хорошие и обильные плоды, отломилась, рухнула, засохла и оказалась потеряна для Бога? Дать ясный, убедительный, исчерпывающий ответ на эти вопросы практически невозможно. В совершившуюся метаморфозу-метанойю вплетено слишком много таинственных причинно-следственных нитей, скрытых от человеческого рассудка.

Даже современники Ницше, хорошо знавшие его и обладавшие сильными аналитическими способностями, терялись перед загадочностью совершившейся на их глазах перемены. Так, знаменитый историк Якоб Буркхардт, которого Ницше чтил, как родного отца, очень рано подметил в своем молодом друге странную склонность его мысли к опасным блужданиям. Примечательно, что он почти сразу за своим открытием почувствовал бессилие и неспособность что-либо исправить. Буркхардт вынужден был воспользоваться гётевским способом самозащиты: благоразумно отдалиться и издали наблюдать за окончательным духовным отпадением Ницше от Христа и христианства.

Мало объясняет суть дела история знакомства двадцатилетнего студента Лейпцигского университета с главной книгой Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Зайдя в букинистический магазин и увидев там это сугубо антихристианское сочинение, Ницше, по его признанию, почувствовал как бы толчок и услышал внутренний голос, требовавший купить книгу. Можно предположить, что юноша-христианин именно таким образом впервые ощутил атаку стихии демонического и, судя по всему, его христианское «я» не выдержало этого напора. Но одно дело читать разные книги и размышлять над ними, как это делают многие, и совсем другое —

² Т. Манн. Философия Ницше в свете нашего опыта // Соб. соч. М., 1960. Т. 10. С. 349.

ощутить в себе пробуждение злого, демонического двойника, мистера Хайда. Для этого добрый доктор Джекил должен был не просто потесниться, но умереть чуть ли не самым буквальным образом.

По сути, Ницше пережил в своей земной жизни две духовные смерти, прошел через две важнейшие, исключительно негативные метаноии. Первая настигла его на заре жизни, когда внутри него умер христианин, умерла вера, умер Бог. В результате появился антихристианин, или Антихрист, как он позднее называл себя. Обнаружился и заявил о себе богоотрицатель-богоборец, бравирующий своим неверием и принявшийся насыщать этим духом негации все свои тексты.

Вторая духовная смерть пришла к Ницше на склоне жизни, когда до физической смерти оставалось двенадцать лет. Состоялось погружение в состояние прострации, в полное сумасшествие, изолировавшее больного не только от культуры, философии, творчества, но и от самого себя. Профессор Ницше исчез, осталась лишь жалкая антропологическая оболочка, которую объединяло с известным философом только сходство имен.

Мистер Хайд родился внутри доктора Джекила сразу же после первой радикальной ницшевской метаноии. Довольно быстро он разросся в матерого внутреннего демона, остервенелого богохульника, страдающего припадками ослепляющей ненависти к библейско-христианскому Богу и с бешеной злобой нападавшего на христианство и христиан. Этот темный двойник, скандальный философский тролль был персонификацией того личного подполья, сущность которого Ф. М. Достоевский прописал в своих «Записках из подполья» (1864), когда Ницше было только двадцать лет. Темное alter ego, движимое мотивами богоненавистничества, взялось «философствовать молотом», бесчинствовать на разные гуманитарные лады, круша все, что было ему не по нраву. Если доктор Джекил мог говорить о христианах как о «благороднейшем из человеческих типов», то мистер Хайд исходил ненавистью и презрением, изрыгал в их адрес проклятия за проклятиями.

О психических и метафизических корнях подобной разорванности, о сути духовной патологии личности Ницше можно говорить очень много. Приведу характеристику, данную философу его современником Максом Нордау, кстати, вполне типичную для конца XIX века, когда Ницше еще не был превращен своими симпатиками в неприкасаемую для критиков священную корову. Особенность этой характеристики в том, что в ней все внимание аналитика сосредоточено не на докторе Джекиле, а на мистере Хайде: «Если читать произведения Ницше одно за другим, то с первой до последней страницы получается впечатление, как будто слышишь буйного помешанного, изрыгающего оглушительный поток слов со сверкающими глазами, дикими жестами и с пеной у рта, по временам раздражающегося безумным хохотом, непристойной бранью или проклятиями, сменяющимися вдруг головокружительной пляской, или накидывающегося с грозным видом и сжатыми кулаками на посетителя или воображаемого противника. Если этот бесконечный поток слов имеет какой-нибудь смысл, то в нем можно разве различить ряд повторяющихся галлюцинаций, вызываемых обманом чувств и болезненными органическими процессами. Там и сям всплывает ясная мысль, имеющая, как всегда у буйных помешанных, характер категорический, повелительный. Ницше не аргументирует. Когда ему кажется, что он может натолкнуться на возражение, он осмеивает его и резко декретирует: это — ложь. Но он сам вечно противоречит своим диктаторским заявлениям. Сказав что-нибудь, он тотчас же говорит противоположное, и притом с одинаковой страстностью, по большей части в той же книге, на одной и той же странице. Иногда он сам замечает это противоречие и тогда делает вид, будто потешался над читателями.

Эти категорические утверждения весьма характерны. Но сначала нужно ознакомиться с манерой Ницше. Психиатр не найдет в ней ничего нового. Ему часто придется читать подобные произведения, правда, по большей части не появляющиеся в печати, но он читает их не для своего удовольствия, а для того, чтобы поместить автора в больницу для умалишенных. Профана же этот поток слов сбивает с толку. Когда он, однако, наконец с ним свыкнется, когда он научится различать основную мысль среди барабанного боя и свиста оглушительной барабанной музыки, среди вьюги сыплющихся слов, он тотчас заметит, что категорические утверждения Ницше представляют собой татуированные и украшенные короной из перьев и серьгами в носу общие места такого подлого свойства, что гимназистка посовестилась бы избрать их темой для сочинения, либо ревущее безумие, не поддающееся разумному анализу или опровержению»³.

Поклонники Ницше любят в своих дифирамбических текстах, лекциях, докладах о нем опираться на блестящие афоризмы и глубокомысленные максимы доктора Джекила. Более того, они умудряются даже в мизантропических филиппиках мистера Хайда отыскивать смягчающие факторы, скрадывающие тяжелое впечатление, производимое отталкивающей нравственной физиономией этого демона. Когда они пишут о беспримерной силе духа Ницше, сочиняют мифы о великом философском титане, пребывающем на недостижимой интеллектуальной высоте, то изумляет близорукость подобных апологий. Они не желают считаться с тем, что мистер Хайд — это не столько тень Ницше, сколько его демоническая, откровенно деструктивная сущность. Им как будто нет дела до темной стихии ницшевского подполья, вырвавшейся из-под контроля, заполнившей всю его личность и в конце концов поглотившей несчастного доктора Джекила.

Несомненно, в Ницше, а точнее, в мистере Хайде присутствовали и титанизм, и сила. Но они были сродни нечистой силе тех описанных в Новом Завете свирепых бесноватых изгоев, которые жили в могильных пещерах и которых все люди обычно обходили стороной, боясь столкновений с ними (Мф. 8, 28–29). Ницше тоже выглядел неустрашимым и неуправляемым, как те бесноватые. Он легко, словно «гнилые веревки», рвал цепи всех смысловых, ценностных и нормативных ограничений. Его не сдерживали никакие нравственные преграды. Демонизированный ум изощренного философского тролля постоянно выказывал свою кровососную, паразитарную, вампирическую природу и вел себя подобно какому-то тропическому клещу, впивающемуся в затылок лежащего слона или жирафа, чтобы затем вместе с поднявшимся животным взлететь на большую высоту. Именно так было в случае с христианством, нападками на которое питался его ум и без которого Ницше не существовал бы как философ. Он, как никто, владел приемами искусных трансформаций благой энергии христианства в разрушительную риторику антихристианского троллинга. Развившаяся в нем и все более укреплявшаяся неприязнь к христианству подкармливала его нигилизм, подталкивала к скандальным выходкам, напитывала его тексты деструктивным пафосом, за который его так ценили прошлые и ценят нынешние воинствующие атеисты и без которого философ ничего бы не стоил в их глазах.

Мистер Хайд умел находить большие смыслы, выбирать великие ценности и высасывать из них живые соки, напитываться ими, раздуваться от их живой крови до внушающих ужас размеров. Вцепляясь мертвой хваткой в выбранные жертвы, он дождался, когда от них оставались пустые, безжизненные оболочки, чтобы затем демонстрировать всем их никчемность.

Ницше не желал слышать возражений тех, кто, подобно Достоевскому, говорили в полный голос о том, будто свобода без Бога прокладывает прямой путь в ад, что человек без Бога — это потенциальный антропофаг, что человечество без Бога ничем не

³ М. Нордау. Вырождение. Современные французы. М., 1995. С. 259–260.

застраховано от превращения в зверочеловечество. Ницше с дьявольским упорством продолжал защищать атеизм, эту первую ступень на пути к тотальной гуманитарной катастрофе. Ему нравилось изображать ад и ужас аномии как триумф гуманизма и рай свободы. Его мистер Хайд ехидно и зло глумился над христианами, для которых свобода неотрывна от Христа. Он исправно выполнял функции тролля-демотиватора, высмеивавшего, обесценивавшего и обесмысливавшего умонастроения, мотивы и ценностные ориентации христиан.

В своих демотиваторских усилиях мистер Хайд изображал христианство скучным, унылым, назидательно-занудным, оторванным от реальной жизни, интеллектуально ограниченным, рождающим у людей отрицательные эмоции зависимости и страха. Похоже, что при этом он испытывал темное удовольствие от совращения тех христиан, в ком не хватало духовных и интеллектуальных сил для противостояния этой клеветнической, разгромной риторике, кому не приходило в голову противопоставить этой лжи примеры пламенного темперамента и несокрушимой веры Лютера, Кальвина и других отцов европейской Реформации, чьи судьбы и чье творчество сильно и ярко свидетельствуют, что христианство не является ни скучным, ни унылым, ни интеллектуально ограниченным, ни духовно бедным.

Достоевский, посетивший однажды обычный петербургский бал, поделился в «Дневнике писателя» своими наблюдениями. Среди них было меткое замечание об одном «бешено вертящемся» в танце маленьком офицере: «Он танцует, будто дерется». О Ницше можно сказать почти то же самое. Его мистер Хайд философствует, словно дерется. Размахивая то философскими кулаками, то философской плеткой, а то и философским молотом, он готов крушить все подряд, бить и правых, и виноватых. Временами это похоже на какое-то философское бешенство. И только врожденное чувство формы, развившееся благодаря изучению классической культуры и занятиям изящными искусствами, удерживало его на краю пропасти и не выталкивало скандальную троллинг-лексику за пределы норм приемлемого цивилизованного дискурса.

Личности Ницше не довелось остаться всего лишь примером рядового психопатологического казуса из учебников психиатрии. Он, несмотря на его девиации, оказался слишком крупной и значительной фигурой, место которой в истории философской мысли неоспоримо. Причиной тому – его доктор Джекил, обладавший очень важным свойством, которое невозможно не заметить и тем более игнорировать. Не будучи врачом, он оказался чутким диагностом. Самый большой из всех философов сумел точнее многих здоровых интеллектуалов определить суть духовного заболевания, жертвой которого стал человеческий род. Для Ницше это оказалось нетрудно: достаточно было перенести свой личный духовный недуг с себя на весь мир, который также норавлил максимально дистанцироваться от Бога и потому приобретал одно за другим заболевания, несовместимые с нормальной духовной, социальной и физической жизнью. Антропологический микрокосм и геокультурный макрокосм обнаружили глубокое сущностное сродство. Будучи сам обречен, Ницше стал провозвестником обреченности того коллективного духовного деграданта, в который неуклонно превращалась большая часть землян, решившихся на разрыв отношений с Богом.

Если доктор Джекил провозвещал грядущую тотальную аномию и предостерегал об опасностях всеобщего «бесовского хаоса», то мистер Хайд откровенно демонстрировал страстное желание скорейшего наступления глобальной гуманитарной сверхкатастрофы. Все имеющиеся в его распоряжении философские, художественно-поэтические, риторические ресурсы он направлял на то, чтобы приблизить эру всеобщей вседозволенности. И философема «смерти» Бога стала его «коньком», главным рабочим инструментом, позволявшим эффективно приближать это будущее.

Безумие как детонатор «ядерного взрыва» в культуре

Налицо шокирующий парадокс: психически больной человек, по-настоящему больной, неизлечимо больной, постепенно терявший и в конце концов полностью потерявший рассудок, превратился во властелина умов огромного множества относительно здоровых в психическом отношении и вполне здравомыслящих людей. Ни один представитель мировой философии не приобрел столь невероятной по своим масштабам популярности. Никого не цитируют так охотно и часто и не издают такими огромными тиражами, как этого душевнобольного страдальца.

Судя по всему, налицо не просто мода, которая по своей природе скоротечна. Здесь действуют какие-то подспудные долговременные факторы, задействованы некие серьезные силы, лежащие глубже банальных философских симпатий и книжно-эстетических привязанностей. Данный феномен — из разряда экстраординарных и заслуживает особого внимания.

Для начала вспомним, что на исходе модерности, при ее переходе в свою закатную, финальную фазу фаустовскому сознанию европейского человека довелось побыть под властью многих лжеучений. Наиболее влиятельными из них оказались марксизм, фрейдизм и ницшеанство, приобретшие масштабы умственных эпидемий. Первыми двумя фаустовский человек переболел, пройдя через серии осложнений разной степени тяжести. И хотя он от них не излечился, к нынешнему времени они покинули авансцену интеллектуальной жизни и переместились в тень. Однако у третьего учения, ницшеанства, оказалась иная, более продолжительная историческая судьба. Его влияние, судя по всему, не собирается сходить на нет, а, напротив, продолжает расширяться, углубляться и усиливаться.

Объясняется это во многом тем, что Ницше по праву занимает место рубежной фигуры в истории культуры-цивилизации с христианской генеалогией. Радикальность духовного водораздела, обозначенного его философией, сопоставима разве что с радикальностью атомного водораздела мировой научно-технической и военно-политической истории. И это не внешняя параллель. Между ницшевским и атомным поворотами просматривается несомненная связь, которую большинству не хочется замечать, о которой мало желающих размышлять. Это связь между:

- вызовом, брошенным человеком в адрес Бога, и уже прозвучавшим ответом Бога;
- между ницшевским словом об «убийстве» Бога и самоубийственным атомным делом;
- между духовной *причиной* и практическим *следствием*, материализующимся в непомерных скоплениях ядерного оружия массового самоуничтожения, грозящих злой смертью «убийцам» Бога.

Рубежное положение Ницше знаменует собой логический *финал* секулярной модерности и одновременно философский *пролог* будущей постмодерности. Его идеи начали загодя вводить читательское сознание вначале интеллектуальной элиты, а затем и обывательской массы в имморальную, абсолютно бездуховную атмосферу надвигавшейся тотальной гуманитарной аномии.

В XIX веке инфернальный пришелец был еще чужим, мало кем всерьез принимаемым философом-нонконформистом. Поначалу его воспринимали без иллюзий и дифирамбов, с достаточной критической трезвостью. Однако в XX веке отношение к Ницше изменилось на противоположное. К нему стали относиться уже не как к чужому, но как к своему. Он стал востребованным, популярным, читаемым, изучаемым, любимым философом миллионов поклонников. Причина подобной перемены заключалась не

в том, что философствующего литератора прежде будто бы не понимали, а теперь вдруг поняли. Дело в другом: изменился дух времени, явилась та самая, уже почти глобальная гуманитарная аномия с многими миллионами существующих внутри нее мертвых душ богоотрицателей-богоубийц, духовных братьев философа. О ней Ницше грезил и пророчествовал, она полностью отвечала строю его больной души и интересам его поврежденного ума. И они, эти две родственные реальности, личная и глобальная, встретились.

Судя по текстам Ницше, его медленно прогрессирующее безумие не было слабым. В них нет ни бессмысленного лепета, ни признаков бессвязного, горячечного бреда. Это безумие особого рода, свидетельствующее о его явно выраженной духовной, метафизической природе. Гнездо, которое душевно-духовная болезнь свила себе в рассудке Ницше, тут же было заселено демонами, завладевшими его мышлением, воображением, волей, чувствами, языком. Весь рабочий инструмент, требующийся для творческого процесса, оказался в руках темной, дьявольской силы, которая на протяжении многих лет не отнимала у Ницше способностей к логическому мышлению, связным рассуждениям, а действовала иначе. Она установила свои заслоны на путях всех благих замыслов и оставила широкие проходы для беспрепятственного проникновения в творческое сознание философа разрушительных мотивов, богоненавистнических умонастроений, мизантропических фантазмов, воли к хаосу, злу и смерти. Создается впечатление, что Мефистофель, заполучивший в собственное распоряжение фаустовскую личность Ницше, задался целью сконструировать его жизненный путь и творческий мир в соответствии с особым замыслом своего патрона — дьявола. А последний как будто задумал положить конец всей классической, двухтысячелетней христианской культуре и решил взорвать ее с помощью «человека-динамита», для которого не было ничего святого, не существовали никакие нравственные преграды, который был способен своим демонизированным, острым, как бритва, умом искромсать всех «Сикстинских мадонн», а своим философским молотом разбить вдребезги все священные скрижали христианского мира. Обычный человек, пребывающий в здравом уме и трезвой памяти, не способен на подобный сверхвандализм. Потому дьявол и вооружил Ницше своеобразным, избирательным безумием, чтобы сделать его своим человекоорудием.

Рассудку Ницше с его особым, преимущественно деструктивным настроем не требовалась та высокая умственная сосредоточенность, которая важна при долговременных напряжениях рефлексивного мышления. Он не был нацелен на то, чтобы пряхать длинные мысли, сопутствующие долговременным исканиям истины. Почти все его сочинения, за исключением самых ранних, выглядят как мозаики фрагментов, констелляции интеллектуальных зарисовок, фиксации ярких вспышек воображения, собраний красочных образов и риторических фигур. Аномальное душевное состояние не препятствовало подобному творчеству, как не мешало оно и благосклонному отношению масс к его изысканиям.

«Я не человек, я динамит»⁴, — объявил Ницше в своей интеллектуальной автобиографии «Ессе Номо». И эта метафорическая автохарактеристика, при всей ее сумасшедшей бравате, оказалась почти реалистичной. Вторжение Ницше на территорию философии взорвало изнутри фаустовское сознание. Более того, произошла детонация, и после Ницше здание классической европейской культуры стало у всех на глазах разваливаться с нарастающим ускорением.

О том, что Ницше готовил настоящий, как мы сейчас сказали бы, ядерный взрыв в культуре, говорит замысел его книги «Антихрист. Проклятие христианству» (1888).

⁴ См.: Ф. Ницше. Ессе Номо. Антихрист. — СПб.: 2003. С. 114; В. Бачинин. Ницше-динамит и предсмертный танец белой медведицы. — Нева, 2016, № 12.

Философ планировал невиданную акцию: первое издание должно было выйти одновременно на семи европейских языках общим тиражом в семь миллионов, по миллиону экземпляров на каждом языке. Подобные цифры даже для нашего времени огромны, а для XIX века это был совершенно фантастический проект. Ницше всерьез собирался потрясти не только умы современников. Он надеялся окончательно обрушить подточенные многовековой секуляризацией христианские основания, на которых еще продолжали держаться цивилизация, культура, нравственность Европы. Сочинявшемуся им кладбищенскому мартирологу предстояло пополниться: следом за «мертвым» Богом должны были отправиться на историческое кладбище духовно мертвый человек с разможенной «философским молотом» верой и вся духовно мертвеющая, коснеющая культура западного мира.

Этот образ исторического кладбища классической культуры уже витал в воздухе во времена Ницше. У Достоевского в романе «Братья Карамазовы», в главе «Братья знакомятся» Иван говорит: «Я хочу в Европу съездить, Алеша, отсюда и поеду; и ведь я знаю, что поеду лишь на кладбище, но на самое, на самое дорогое кладбище, вот что! Дорогие там лежат покойники, каждый камень над ними гласит о такой горячей минувшей жизни, о такой страстной вере в свой подвиг, в свою истину, в свою борьбу и в свою науку, что я, знаю заранее, паду на землю и буду целовать эти камни и плакать над ними, — в то же время убежденный всем сердцем моим, что все это давно уже кладбище, и никак не более»⁵.

Провидец грядущей постмодерности

Идеи Фридриха Ницше вот уже более ста лет будоражат умы людей, делят их на поклонников и противников философа и рождают нескончаемые споры. За это время успели померкнуть ореолы вокруг имен двух других крупнейших властителей дум, Маркса и Фрейда, когда-то стоявших в одном ряду с именем Ницше, но его темная звезда пока не собирается закатываться за горизонт. Ницшевская философия по-прежнему продолжает резко выделяться своей специфической фактурой среди прочих интеллектуальных конструкторов мировой культурно-исторической панорамы. Этому способствует прежде всего продолжающееся углубление общемировой христианской депрессии, которая распространяется вширь и вглубь. Наблюдается неуклонное ослабление общих духовных устоев, на которых веками держались цивилизации, народы, государства, культуры, имеющие христианскую генеалогию. Не боясь преувеличения, можно сказать, что Ницше остается одним из самых ярких и авторитетных вдохновителей этого депрессивного процесса. И по сей день он является мощным катализатором галопирующего духовного распада постхристианской цивилизации. Создается впечатление, что чем сокрушительнее проявления общего духовного бедствия, тем выше спрос на философию Ницше. И смена модерности постмодерностью, ознаменовавшаяся очередным всплеском ницшевского ренессанса, только подтверждает эти опасения.

Истинная суть постмодернизма крайне слабо отображается в его названии. Она заключается совсем в другом слове — *вырождение*. Трагическая ирония исторической судьбы пятивековой модерности состояла в том, что она началась эпохой Возрождения-Ренессанса, а завершается катастрофической эпохой духовного оскудения, моральной деградации и общего вырождения. Еще в XIX веке, раньше многих, на это обратил внимание Макс Нордау. Понимали это Достоевский и наиболее проникательные из его младших современников. Но они были свидетелями и участниками лишь первой

⁵ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. Л.: Наука. 1976. С. 210.

части культурно-исторической увертюры под названием «Вырождение». Настоящее же, то есть всеобъемлющее, тотальное вырождение было впереди, и потребовался весь XX век, чтобы оно полновластно вступило в свои права под именем постмодернизма.

Особенность Ницше как философа состояла в том, что он предстал (как мы это теперь видим) в качестве впечатляющей персонификации будущей постмодерности, которая вздумала загодя, с большим упреждением сосредоточиться внутри него, заявить о себе посредством его жизненного и творческого миров, его умопомрачительными философскими идеями. Ницше принялся исследовать эту представившуюся ему реальность, демонстрировать открывшиеся ему ее смысловые надломы, ценностные деформации и нормативные разрывы. Именно в качестве пронизательного медиума грядущей постмодерности-аномии, который существенно опередил ее во времени, он оказался чрезвычайно любопытен постмодернистам рубежа тысячелетий. Они увидели в создателе эпатажно-скандальных текстов обладателя многих собственных черт, восприняли его в качестве человека-символа, своего духовного предтечи.

Да, Ницше — это действительно символ того катастрофического надлома, который настиг поистине великую, необычайно продуктивную христианскую цивилизацию, чья беда в том, что люди, представляющие ее, несмотря на предоставленные им Господом небывалые преференции, регулярно шли на уступки духу фаустовской секуляризации и в результате не смогли удержаться на достигнутых духовных рубежах, на завоеванных духовных вершинах.

Нечто похожее присутствовало и в личной судьбе Ницше, наделенного исключительными творческими дарованиями. Этот очень талантливый человек с добротным христианским родословием, сумевший даже свои физические страдания превратить в творческий фактор, сорвался с крутого склона, с ведущей вверх тропы. Он не смог придать своим мыслям благую направленность и рухнул в темную пропасть, кишашую демонами богоотрицания, стал заложником тяжелой личной экзистенциальной драмы, жертвой подстерегавшего его безумия и преждевременной смерти.

Тексты Ницше можно читать как лабораторный журнал, в котором автор подробно излагает сюжет *рождения трагедии* — трагедии своей жизни, судьбы, мирозерцания, философии фаустовско-мефистофелевского человека. В этой трагедии безраздельно господствует дух разрушения, фактически разорвавший автора на две части и погубивший фаустовского человека руками человека мефистофелевского. Первый не нашел внутри себя духовных сил противостоять дьявольским искушениям второго и променял свое богоподобие на дьяволоподобие, превратившись в персонификацию совершившейся антропологической катастрофы.

Ницше — это антропологическая монада, в которой в миниатюре представлена вся полнота трагедии внутреннего «я». Это «я», покинувшее, подобно блудному сыну, отчий дом христианства, ушло в духовное скитальчество, умственные блуждания, интеллектуальный блуд. Но в отличие от библейского скитальца, оно так и не вернулось из блужданий и осталось навсегда потерянным для Небесного Отца.

Ницше — это экзистенциальная трагедия измены Богу, нравственная драма предательства Отца и краткого, всего лишь в пару десятилетий, торжества философствующего Иуды, радовавшегося полученным от сатанинской силы тридцати серебряникам в виде дарований сильного ума и яркого воображения. Таланты не пошли впрок изменнику, а лишь приблизили гибель его блестящего ума и яркого воображения, ускорили их погружение в inferнальный мрак безумия и смерти.

Ницше — это одно из названий драмы духовной войны князя тьмы против Господа воинств. Философ, выступивший на стороне вселенского зла, не мог выиграть это сражение. Как и всякий богоборец, он изначально был обречен на личное поражение.

В эпохально-историческом плане его индивидуальный проигрыш оказался сродни поражению Люцифера, поднявшего на мятеж против Бога легионы падших ангелов-бесов. Все они, низвергнутые с небес, рассеялись по земле и превратили жизнь человечества в сущий ад. Так и духовные питомцы Ницше, вскормленные его философскими идеями, ставшие практикующими ницшеанцами, сумели превратить XX век в самую сумрачную главу мировой духовной и политической истории.

Ницше — это персональная антропологическая экспериментальная площадка, отдельный ринг, где дьявол с Богом боролся и, увы, победил. Но победил он, конечно же, не Господа, а того человека, который не сумел выстроить должных отношений с Богом, оттолкнул Его от себя и потому оказался беззащитен перед происками темной силы, тут же поспешившей изломать его личную жизнь и растоптать его дух.

Ницше, говоривший в «Ессе Ното» о Сократе как о семиотическом пособии для Платона, сам со всеми своими текстами, жизнью и судьбой служит семиотическим раскладом знаков, образов, формул, символов катастрофического заката модерности. Все они указывают на угрозу приближения еще более катастрофического провала человечества в посюсторонний постмодерный ад с его атомным огнем, а затем тьмой и холодом планетарной ядерной зимы.

Философия Ницше содержит в себе семиотические уравнения, в которых присутствуют недвусмысленные отсылки к самым опасным демоническим структурам, уже обеспечившим человечеству и атомный поворот мировой военно-политической истории, и приближение глобальной атомной репетиции грядущего апокалипсиса.